

ВОЙНА ПРОФЕССОРА ДОЛЖЕНКО

Наши корреспонденты беседуют с академиком Международной академии высшей школы, профессором Московского государственного университета, лауреатом премии имени Ломоносова и премии Московского математического общества Евгением Прокофьевичем Долженко.

КОРР.: Евгений Прокофьевич, расскажите немного о себе. Как вы запомнили войну, что видели?

ДОЛЖЕНКО: Отец мой из крестьян Северной Украины, это Сумская область, там есть железнодорожная станция Боромля. Мать наоборот, из рабочей семьи, из Юзовки, это город, который назывался Сталино, теперь называется Донецк. Поженились они в 30-е годы. Я родился 28 сентября 1934 года в Ворошиловграде.

КОРР.: Начало войны как-то вам запомнилось?

ДОЛЖЕНКО: Я запомнил, когда немцы бросали листовки. Такая розовенькая листовка. Там нарисован штык, воткнутый в землю. И крупными буквами по-русски: «Иван - сдавайся, ты будешь пить водку, играть на балалайке и спать с Машкой». Это, по их мнению, был наш уровень. И на таком уровне были и остальные листовки. А то время, которое я уже хорошо помню, это 42-й год. Немцы приближались. Еще до того, как я их увидел, я попал под бомбежку. Возможно, это случилось тогда, когда мать ездила по деревням менять наши довоенные вещички на зерно. Отец был на фронте. Надо было какую-то еду добывать. Я был у бабушки. И вот налетели немецкие самолеты, стали бомбить. Бомбы воют. Рвутся где-то. И вдруг одна как шархнет. Раскидало метра на полтора бульжник. Выбило стекла. Я потом шел домой. Один. И раненые люди прямо на улице лежали. Вот с этого для меня настоящего началась война.

И вот мы с пацанами смотрим - снизу мотоциклисты едут. В незнакомой форме, значит немцы. Они на нас посмотрели, мы на них посмотрели. Вот так я увидел немцев впервые. Потом к нам на улицу итальянцы поселились. У нас были румыны, итальянцы, немцы, и потом власовцы появились. У власовцев на пилотках такой круглый значок. В центре кружочка красный круг. Вокруг этого кружочка белый и синий тоже. Цвета нынешнего нашего флага. Они поили лошадей возле нашего колодца. И по-русски говорили. Я так удивился: немцы, а говорят по-русски. Ну, я повторяю, что у нас поселили итальянцев. Надо сказать и итальянцы, и румыны были жуткие воры. Они все тащили. Итальянцы перестреляли всех кур в первый же день, и выдергали лук. Я помню: итальянец вот так за шею держит курицу. И матери говорит: мамка - мадьярить. Мать говорит: поджарить? - Поджарить, поджарить! Ну, мать берет сковородку. Но, но, мамка, но, но, мадьярить, - показывает на кастрюлю. А, варить? Тот кивает.

К нам итальянцы хорошо относились. Народ веселый. Любят детей. Единственный недостаток, это что воры. Когда они ушли, через некоторое время мать хватилась, нужен был какой-то документ. А у нас дамская сумка со всеми документами висела в коридоре на гвозде. И вдруг этой сумки нет. Утащили эти ребята, наверно тоже думали, что там ценное есть.

И дальше дело было так. Моя мать горбоносая, сероглазая. Пришлось собирать подписи по всей улице, что мы не евреи. Это было очень важно. Всех евреев заставили ходить с белыми

повязками с черными контурными шестиконечными звездами. И потом на Острой могиле, это такое место у нас есть за городом, их расстреляли. А потом уже начались настоящие грабежи. Грабили немцы. В отличие от итальянцев и румын, они идут, как хозяева. Берут все, что захотят. Заходят в каждый дом и хватают то, что им нравится.

КОРР.: А нравилось что?

ДОЛЖЕНКО: А нравилось все. Зимой всякая одежда, одеяла, вот у соседей наших зимой развернули младенца, и байковое одеяло взяли. Когда начинался грабеж, пацаны бежали впереди: немцы, немцы, немцы! Грабят! Облава. И мать самую ценную одежду заворачивала в простыню, завязывала, и бросала за шкаф, там было пустое место. Ну а потом, когда немцы уходили, отодвигали шкаф и узел вытаскивали. А один раз вот что было. У какого-то каптенармуса бабушка выменяла офицерскую форму. Ну, пацаны, на пацанах все горит огнем. Нигде ничего купить нельзя. То, что можно, мать перешивала. А это немецкая униформа. И идет эта самая облава. Если обнаружат - нам всем конец. Мать сразу схватила этот узел - и в погреб. Там кадки были такие большие с помидорами, огурцами. На этот раз обошлось. Не обнаружили эту форму. Потом мать ее перестирала, пересушила тихонечко и быстрее-быстрее там нам чего-то пошила. А вот второй раз мы поздно узнали, что идет облава. Мать мне сунула униформу, сказала: бежи на огород. А там мы окопчик вырыли. Ну, я прибежал. А окоп весь открытый. Думаю: придут немцы, сразу обнаружат. И тогда хана. Всем. А у нас на огороде перед войной отец выкопал яму. Положили две длинные балки, и поставили уборную. Я сообразил, что если я туда залезу, то меня никто не найдет. И под эти доски сбоку залез с этой униформой, сижу. Слышу, тихонечко мать зовет: Женя, Женя. И плачет. Я вылез. Когда облава кончилась, она пришла к окопу. Меня там нет. Где я? Совершенно непонятно. Если я рассчитывал, что немцы не сообразят, то мать тоже не сообразила. В общем, и тут все обошлось. Однажды на соседней улице во время такого мародерства женщина заперлась. Немцы взломали дверь, и рукоятками револьверов били, так что она потеряла сознание. Поэтому люди не сопротивлялись. Да и как сопротивляться?

Где-то к концу 1942 года у немцев дела пошли плохо. И в конце года наши уже подошли к Луганску. Два месяца примерно шли бои. В двух километрах от нашего дома. Наши обстреливали город, в основном, минами. Когда начинался обстрел днем, все пацаны вылезали на крыши, на заборы и смотрели, куда падает. Через три дома от нас пробило крышу сарая. Разорвалась мина и недалеко от нашего дома. Мы привыкли к этому. Прифронтовая же полоса!

Свет не зажигали. Топить было нечем. Спали одетые, надевали на себя все, что только можно было. И сверху еще и одеялом закрывались. Однажды я сплю, мне снится: дорога такая серая, по этой дороге ползет свастика, или как мы говорили, фашистский знак. Ползет, как змея, боком, ползет, ползет... Вдруг в центр этой свастики падает беленькая какая-то точка. Эта точка начинает разрастаться. Смотрю: да это уже не точка, это уже пятиконечная звездочка. И вот она растет, растет, и закрыла всю свастику. Все. Свастике конец. Я проснулся, рассказываю матери, мать говорит, вот дай Бог, дай Бог! Ну, поговорили, заснули. Вдруг слышим: ду-ду-ду. И какой-то крик, который еле-еле слышен сквозь замершие окна. Мать подбежала к окну: соседка стучит, кричит: наши, наши вошли. Вот так был освобожден Ворошиловград. Сейчас он снова Луганском называется.

А в школу я начал ходить при немцах.

КОРР.: Были открыты школы?

ДОЛЖЕНКО: Открыты. С первого сентября. Ходил я в эту школу может две недели. Может три. Потом перестал. В то время были такие два события. Итальянцы, молодые солдаты, залезли на крышу четырехэтажного дома напротив школы. А там почему-то были цветочные горшки с сухой землей. А рядом на перемене пацаны бегают, играют. И эти итальянцы начали развлекаться. Кидать в нас горшки. Попадет, не попадет. Им интересно, нам тоже уворачиваться интересно. Вот мы поиграли в эту игру, они нашвыряли, ни в одного не попали. Ну, если б попали с крыши четвертого этажа, понимаете, что было бы. А однажды вышли на перемену, и вдруг какой-то душераздирающий крик. Мы побежали туда. Оказывается, пацан нашел гранату-лимонку, игрался ею. Кто-то взрослый увидел, у него отобрал и кинул в уборную общественную. А пацан оказался изобретательный и ловкий. Нашел где-то длинную стальную проволоку, сделал крючок и достал гранату. И, по-видимому, чеку выдернул. В общем, эта штука рванула и его всего изрешетило. И то, что от него осталось, оно громко кричало. Когда мы прибежали, его замотали в простыню, и вот окровавленная простыня, несут его на руках, он кричит...

Потом, когда немцев выбили, я пошел опять в первый класс. Это 1943 год. Там было два первых класса: для начинающих и для заканчивающих. Я, поскольку дома, наверное, со мной занимались, умел и читать, и писать, и считать. И мы за один год - с первого сентября 1943 года по первое сентября 1944-го - прошли программу двух классов. И я оказался в третьем классе.

А всякого военного барахла в те времена было столько вокруг накидано! А пацаны народ любопытный. В нашем классе был девятилетний пацан, фамилия его Миндалин. И вот он с братом, еще меньшим, нашел возле мелькомбината противотанковую мину. Она такая большая, как сковородка. Ну, дескать, надо стрелнуть. Нашли скобу. Нашли, куда ее приставить, и начали бить по ней камнем. А с ними еще пятеро ребят было, и вот один из них, Ленька Ращупкин, мой друг, с которым мы до сих пор поддерживаем отношения, понял: что-то тут не то, испугался и стал их отговаривать: не надо, мол. «А, говорят, иди ты. Сейчас стрельнем - знаешь, как бабахнет». Он побежал, и не успел за бугор забежать - в это время мина взорвалась. От ребят ничего не осталось. А Леньке, ногу повредило, ребро перебило. Это было в четвертом классе уже.

КОРР.: Но вы в этих играх тоже принимали участие.

ДОЛЖЕНКО: Конечно, Господи. Я сейчас как вспомню - волосы шевелятся. Мы с моим другом - он постарше меня был, Петька Новохацкий, нашли снарядик, медный, сантиметров 10, наверное, в длину. И черно-желтый кончик. И откуда-то нам было известно, что он начинен гремучей ртутью. И вот мы взяли клещи и этот снарядик разобрали. И оказалось вправду там много гремучей ртути. Это такой порошок серого цвета. И потом мы ее взрывали. На молот положим такую крошечку, как булавочная головка. Молотком по ней бац! - а на месте этой крупиночки ямка. В стальном молоте ямка получается. Но нас это не удовлетворило.

Ну, патронов было навалом. Любых. То, о чем я сейчас расскажу, случилось не у нас. А я когда лежал в глазной больнице в Харькове, уже после десятого класса, мужчина - мой сосед по палате, говорил, что у них в деревне один пацан нашел артиллерийский снаряд. И решил «стрелнуть». Сел верхом на гильзу, наставил там чего-то такое на капсюль, думает: сейчас стукну, как вылетит снаряд - вот здорово будет. Но это здорово-то в стволе, потому что ствол не дает гильзе разорваться. Ну, а тут и гильзу, и его - на куски.

В общем, пацанов много гибло. Иногда и взрослые оказывались не умнее их. Вот был такой случай. Старик-пастух и подпасок-пацаненок нашли запал от гранаты. Этот старик решил разобрать запал. А подпасок просит: «ой, диду, ой диду, покынь ты це». Значит, брось это. «Це не добре». А тотему: «та иды, иды ты!». И взорвалась эту штуковина. И деду выбило глаза.

В 45-м году, когда мне еще не было 11-ти лет, взорвался запал от противотанковой гранаты, который я держал в левой руке. Руку разорвало. Я думал, что это просто трубка медная. Очень хорошая трубка, с одной стороны шарообразная, потом сужается, как патрон. А туда, где пулю вставлять, было закрыто красной пластмассой. Я взял иголку, решил, расковырять эту трубку, потому что я хотел из нее самопал сделать. Только я ковырнул, сразу все пропало, стало тихо. Вернее так. Загудело в ушах. Когда я очнулся, смотрю, у меня перед носом что-то белое. И в глазах такие хлопья черные летают. Я это белое стал щупать и где-то выше локтя нащупал, что это моя рука, а белое - это кость. Дома никого нет. Я схватил полотенце, хотел жгут наложить, а он крутится вокруг культи. Я тогда зубами ухватил один конец, кое-как затянул. А кровь-то льется. Ну, думаю, надо что-то делать. Посмотрел на себя в зеркало. Вся физиономия просто вывернута наизнанку. Осколки до сих пор сидят, они обросли костяными капсулами. Выскочил во двор. Слышу - на улице пацаны играют. И друг там мой, Толька Бобыр. Я кричу: Толька? Он: шо? Я говорю: иди сюда. Сейчас! И смотрю - продолжает играть. А я стою с этим полотенцем, кровь капает. Он подбегает, открывает калитку. Меня увидел, как заорет. И наутек.

Ну, думаю, все, помощи ждать неоткуда. Перебежал через улицу. А там жила тетя Таня. Через калитку во двор, стучу в окно. Смотрю - бледное-бледное лицо появилось. Я не могу толком его рассмотреть, у меня мухи черные в глазах летают. Целая куча осколков в глаза попала, но глаза остались целые. Потом уже в 1960 году делали мне рентген в институте Гельмгольца. И в глазнице нашли осколки. Осколки прошли сквозь радужную оболочку, хрусталики разбились, и где-то в кости застряли. И левый и правый глаз так.

Ну, вышла тетя Таня. Глянула на меня и побежала к соседям, а туда к своим родственникам завернул один офицер. Тетя Таня ему рассказала. Он бросился к шоссе, остановил первую попавшуюся машину, и меня погрузили, укрыли каким-то, я уж не знаю, рядом, и повезли в госпиталь. Сделали операцию. Очнулся уже в палате. Рядом лежит молодой парнишка и поет. Да так красиво, за душу берет. Оказывается, он полгода уже не встает. Осколками бомбы раздробило ноги. Прекрасней пения я в жизни не слышал.

Когда я уже начал вставать, вышел как-то на улицу. Раненые сидят, разговаривают. Спросили меня: пацан, что с тобой случилось? Я говорю: вот такое дело, нашел трубку, хотел сделать самопал, ковырнул, она взорвалась. А один солдатик в форме, пришел товарища проведать, и вытаскивает из кармана: вот такая, говорит? Точно. Так это, говорит, запал от противотанковой гранаты. Взял его и выкинул в кусты. А его друзья: ты что, говорит, делаешь? Такой же пацан найдет его, и будет еще хуже. Тот побежал, лазил, лазил, нашел. Взял с собой в карман.

Через две недели меня выписали. Рука на перевязи была еще, не зажила и нога правая. Четыре дырки у меня было.

Вернулся домой. Начал учиться. С четвертого класса я неожиданно для себя стал отличником. Школу окончил с золотой медалью. А тогда золотая медаль давала право два года подряд поступать в институт без экзаменов. Писали мы экзаменационное сочинение. Потом пошли на

речку, на Луганку. Купались, дурачились. Илом лепили друг друга. И одного своего друга я там хорошенько илом, у нас его называют «муляка», стукнул. А когда отвернулся, он подкрался, взял этой муляки, и как врезал мне по глазам. Я смотрю, мир раскололся надвое. Значит, левую сторону я вижу - правую нет. Оказалось, что произошла обширная отслойка сетчатки. И когда я писал математику, буквы и цифры выводил уже по памяти. А вот тонкие линейки на тетрадном листе не видел. И учительница взяла мягкий карандаш и листочки мне разлиновала. А остальные экзамены я сдавал так: читать уже не мог, занимался с ребятами.

Я увлекался ядерной физикой. Если можно сказать про пацана, что он увлекается ядерной физикой. В общем, читал все популярное, что только возможно. Поехать в Москву мне даже и в голову не приходило. Подал документы в Харьковский университет на физфак. Жутко боялся, что у меня их не примут. Потому что там должна быть справка о состоянии здоровья. Меня приняли. Но когда начал заниматься, понял, что ничего у меня не получится. Потому что сразу начались лабораторные работы, вычислительный практикум. Надо на логарифмической линейке считать. А я даже рисунок на ней не вижу. Три недели проучился. А зрение продолжало ухудшаться. И я вернулся домой. Отец купил мне путевку в дом отдыха в Одессу. А тогда гремела слава Одесского филатовского института глазных болезней. И мне удалось туда попасть. Мне поставили диагноз: плоская отслойка сетчатки. И поехал я в Харьков в Институт имени Гиршмана. Пролежал там три месяца, перенес две операции. Перед новым годом вернулся домой.

За три месяца, пока я лежал, многое передумал. Я решил, что физиком стану. Но сделаю это хитро, обходным, так сказать, маневром. Закончу математический факультет. Там приборы не нужны, не нужны логарифмические линейки. А потом стану физиком-теоретиком. И я поступил на математическое отделение Ворошиловградского педагогического института имени Тараса Шевченко. Математика мне нравилась. Учиться было очень интересно, стал отличником. Был председателем студенческого научного общества. Институт окончил с красным дипломом.

Готовился я в основном с ребятами. Поскольку я был отличником, то у меня был такой козырь. Я просто брал ребят из нашей группы, не очень успевающих, и готовился к экзаменам с ними. А учебники по матанализу, интегралам и прочую «петрушку» мне читала мать. А она, надо сказать, всего два класса окончила. Я ей объяснял, как читаются греческие буквы. Надо представить, какая это для нее нагрузка была! Мать как-то рассказывает... Знаешь, говорит, мне сон приснился. Вроде я была в гостях, и собираюсь домой. И хозяйке говорю: а где моя сигма? Я в этот угол ее ставила. Вот как ей трудно было. Потом я уже что-то записывал на магнитофон. А вот уже лет 10, наверное, я компьютерами пользуюсь.

Заканчивается учеба - надо распределяться. А тогда, при незабвенной памяти Никите Сергеевиче Хрущеве, вышло постановление, запрещавшее выпускникам пединститутов сразу поступать в аспирантуру: они должны ехать в село, поднимать образование. Но для меня это большие трудности. Потому что я вообще вижу плохо, а ночью совершенно ничего не вижу. К тому же и руки нет. В общем, я получил свободное распределение. Хотел в Харькове в аспирантуру поступать. А был у нас в пединституте преподаватель Виктор Петрович Макеев. Он мне говорит: «Слушайте, зачем вам Харьков? Езжайте в Москву». Я ему: «Ну да, так меня там и ждут». «Поезжайте, там есть хорошие люди. Может быть, удастся поступить».

А запрет-то действует, и ученый совет института не может мне дать рекомендацию. А без рекомендации в аспирантуру не берут. Наша кафедра нашла выход: мы тебе напишем свою рекомендацию - это нам никто не запрещал, а там как получится. Ну ладно. Я послал

требуемые документы без всякой надежды. Вдруг в конце августа приходит уведомление, что в моих документах не хватает комсомольской характеристики. Я в пединститут. Секретарь комитета комсомола Витя Бакров написал характеристику, заверил ее печатью и я ее отослал.

Экзамены в аспирантуру должны начинаться 10-го сентября, а вызов мне пришел только восьмого. Я сунулся в авиакасса. Билет есть только на девятое. Причем на самолет, который летит в Москву аж через Донецк, Харьков. Воронеж. В результате я прилетел на Быковский аэродром где-то в 12 ночи. Темнотища. Я в темноте ничего не вижу. Электрички уже кончили ходить. Пришлось ехать на такси. А когда я еще собирался в Москву, наша соседка тетя Наташа, говорит: знаешь, Женя, у нас родственники живут в Москве, я с тобой передам сала. Ты им привези, может, они тебя ночевать оставят. А эти родственники жили около Птичьего рынка. Постучал. Мне открыли. Представляют картину. Какой-то парень, у которого «визитная карточка» - это шмат сала. Я там переночевал. Утром рано-рано встал: мне ж к университету ехать, а дороги-то я не знаю. А уже десятое число. Добрался. Подаю документы. А мне говорят: вам повезло - мы на этой кафедре экзамен по специальности перенесли на тринадцатое. Поселили меня в общежитие. Все ребята уехали на целину, так что комната была свободна. А я после операции, правда, с трудом, но мог читать. А единственная лампочка была слабенькой, и я ничего не вижу. Я подвинул стол под эту лампочку, на стол поставил стул, влез. И почти упираясь лбом в плафон, начал готовиться.

Как я сдавал математику? В аудитории длинный стол, за ним десять человек. Во главе председатель, член-корреспондент Академии Наук СССР Дмитрий Евгеньевич Меньшов. Я стою у доски. Сначала надо было пересказать свой реферат. Потом начали задавать вопросы по всей математике. По дифференциальной геометрии я ничего не знаю. Кроме того, я совершенно не знаю линейную алгебру. Не знаю функциональный анализ. Не знаю уравнение частных производных. В общем, назвал пять или шесть предметов и сказал: совсем ничего не знаю. Меня спросили: а почему вы не знаете? Говорю: я пединститут окончил. Возникла тишина. Дмитрий Евгеньевич - потом он стал моим учителем - говорит: будем дальше спрашивать? А Петр Лаврентьевич Ульянов, который сейчас заведует нашей кафедрой, говорит: ну, что? Если понадобится, ему в план кандидатского минимума это все включают, и он выучит. А на другие вопросы я ответил вроде бы нормально.

Вышел, думаю, все, «пара». Начинают объявлять оценки. Долженко - «хорошо». Вот это, думаю, да! Правда, на остальных экзаменах я пятерки получил. В общем, выяснилось, что те, кто по специальности получил четверку - я и еще один товарищ, их в аспирантуру не берут, потому что нет мест. Потом все-таки одно место как-то добыли. И на это место решили взять того товарища. Потому что у него руководитель был известный, членкор. А я, вроде того, кот в мешке. Потом все-таки еще одно место появилось. Тогда и меня взяли.

И стал я учиться. Окончил аспирантуру в 1960 году. Я занимался теорией функций, комплексной переменной и теорией интеграла. Но все-таки мои научные интересы оказались больше в области комплексного анализа - теории функций комплексного переменного. Защищался в Институте математики имени Стеклова. Тогда я уже работал на кафедре. И до сих пор там работаю. А четыре года спустя защитил докторскую.

КОРР.: А темы ваших диссертаций?

ДОЛЖЕНКО: Кандидатской - «Дифференциальные свойства функций и некоторые вопросы теории приближения». А докторской - «Свойства функций и теория аппроксимации».

КОРР.: Вас услышат многие незрячие люди, которые сегодня в большинстве своем трудно живут. И самое плохое даже не то, что они живут бедно. А самое плохое, что они живут в унынии и безысходности. Так вот, может быть, вы что-то скажете, обращаясь как раз к этим читателям?

ДОЛЖЕНКО: Ну что я скажу? Самым молодым людям я могу сказать, как говорил Ленин: учиться, учиться и учиться. Я считаю, что учиться действительно надо. И добросовестно. Вот на чем я настаиваю: добросовестно. Если ты хочешь себе устроить жизнь достаточно интересную и обеспеченную. Тот счастливый человек, кто нашел свое дело и свое место в обществе.